

Никита Петров, Андрей Мороз

Деньги в мифологических представлениях
и обрядовых практиках: современная
крестьянская традиция

Работа написана на материалах записей фольклорных текстов, сделанных в 1993—2012 годах на юге Архангельской области (Каргопольский, Няндомский, Вельский и Плесецкий районы) и хранящихся в архиве Лаборатории фольклористики РГГУ. Записи сделаны в ходе интервьюирования информантов по тематическим опросникам, соответственно, материалы не содержат рассказов о повседневном быте и прямом использовании денег. Следует, однако, отметить, что в ходе интервью наши собеседники неоднократно высказывались и о деньгах в повседневной жизни, что можно суммировать в таком обобщенном виде:

1. Денег не хватает. Это универсальное высказывание, тем не менее, как нельзя более соответствует текущему положению, когда в севернорусских деревнях сельское хозяйство практически умерло и основным источником денег в селах в целом оказываются пенсии, зарплаты бюджетников (учителей, работников администрации), летом средства дачников (местных жителей, переехавших в город и возвращающихся на родину в отпуск).
2. Сейчас пенсионерам живется неплохо: им платят деньги, хоть и небольшие, но регулярно, такое положение не сравнить с их молодостью, когда за работу не платили ничего.
3. Лучшее время было в 70-х — начале 80-х годов, когда в совхозах платили хорошую зарплату.

4. При Сталине за работу в колхозах вовсе не платили, работали *за палочки* — за трудовни (в бухгалтерских книгах отмечали *палочками* количество отработанных дней и пропорционально расплачивались натурой), причем на трудовень полагались ничтожные выплаты.
5. В Москве живут богато, там большие зарплаты, у всех есть деньги.

Описанная ситуация (и ее восприятие) является продолжением более давней, когда для жителей деревень в большей степени был характерен натуральный обмен, чем товарно-денежные отношения. Таким образом, можно заключить, что обладание деньгами было для традиционного села ситуацией не только нехарактерной, но и исключительной (см. подробнее ст. К. Богданова в этом сборнике). Соответственно, мифологизация их продиктована в значительной степени обстоятельствами повседневной жизни. Человек богатый как фигура нетипичная для села воспринимался (а отчасти и воспринимается по сей день) как приобретший богатство неправильным или неправильным путем, часто не без участия потустороннего мира. По всей видимости, именно эта идея является основой для мифологизации *богатого человека* и *богатства* вообще в мифологических нарративах и обрядовых практиках.

Демон приносит деньги

Для текстов актуальной мифологии характерно упоминание не столько денег как таковых, сколько богатства.

В указателях мотивов традиционных мифологических рассказов (Айвазян 1975; Зиновьев 1985) мотивы, в которых упоминаются *деньги*, можно разделить на две большие группы — «деньги принадлежат нечистой силе» и «поиск кладов»: *домовой велит [хозяевам] получить спрятать деньги, чтобы не украли* (Зиновьев 1985: Б I 13б); покойник наказывает за непочтительность, обиду или кощунство, человек уносит деньги или какую-нибудь вещь с могилы шамана (Зиновьев 1985: Г III 4); клад показывается в образе женщины (девочки); появляется в доме, при ударе

рассыпается золотом; в доме находят шкатулку с деньгами (Зиновьев 1985: Д 16); домовый беспокоится, получила ли семья деньги, посланные ей отцом (Зиновьев 1985: Б I 25); клад принимает различные образы (Зиновьев 1985: Д); человек обманывает черта, несущего деньги, и обогащается (Айвазян 1975: В I 43); леший награждает человека, прикрывшего в лесу его нагих детей, богатством (Айвазян 1975: А I 12 б); увидеть домового в шерсти — к богатству (Айвазян 1975: Б I 9в); гуменик¹ обещает хозяину богатство в обмен на то, чего он дома не знает (родилась дочь) (Айвазян 1975: Б III 6); черт награждает углем, который оказывается золотом (Гордеева 1991: В I 30); человек заставляет чертей носить ему золото (Гордеева 1991: В I 45в).

Отдельного упоминания заслуживают рассказы о *змея-обогатителе*, *выпаренном* из яйца черного петуха, которое надо носить 40 дней под мышкой. В группе текстов, записанных на территории Архангельской области, богатство, которое приносит змей, — это не только деньги, но и молоко, хлеб:

И это змей вот [говорит]: «Хозяйка, вот чего тебе надо? Чем ты нуждаешься?» Раньше дак хлебом нуждались, деньгами, молоком, хлебом — ты чего накажешь?» (Скулачев 2012: 21).

В другом тексте из этой подборки змей приносит хозяевам деньги и кладет их за икону — в традиционном для крестьянина месте хранения ценных вещей: [...] *я еще была маленькая, в один дом змей деньги носил, в иконе все [прятал]* (Скулачев 2012: 21).

Змея-обогатителя необходимо своевременно уничтожить, а то он спалит дом, в который приносил деньги:

А уничтожить-то было трудно ёго. Он, если ницё не сделаешь, он потом сожгёт тебя и дом сожгёт (Скулачев 2012: 21).

Ту же функцию выполняют и черти, находящиеся у колдуна в работниках:

¹ *Гуменик* — персонаж славянской мифологии, сходный по функциями с домовым, живущий в помещении (гумно), предназначенном для молотбы или для хранения сена.

И они [черти] деньги приносят; говорят: «Вот, сходи к тому-ту, это, это... ну, возьми денег». Они [черти] всё знают, найдут и принесут ему их [Инф. 1].

Перечисленные выше мифологические персонажи: домовый, черти, леший, летающий змей, покойник — хранители богатства. Они приносят его в дом, показывают, где находятся деньги, клад. Однако *богатство* может стать само по себе своего рода мифологическим персонажем: например, в быличках на эту тему клад является персонифицированным субъектом — принимает образы старика, старухи, золотого барашка (Зиновьев 1985: Д 1–4).

Разбойничий клад, деньги царей и бедные святые

В преданиях и легендах деньги принадлежат персонажу, имеющему высокий социальный статус (правитель, святой), либо находятся во владении разбойников, что в какой-то степени позволяет выстроить их в один ряд: правитель—святой—священник—купец—разбойник. Все эти персонажи носят более или менее ярко выраженные черты «сверхчеловека»: они или обладают сакральной силой и могут совершать чудеса (святые), или обладают способностью к оборотничеству и колдовству (разбойники), или относятся к социальной среде, недостижимой и, по сути, тоже мифологизированной (правители, купцы), или, наконец, воспринимаются как посредники между миром людей и иным миром (священники). Во всех таких текстах речь идет не о конкретной сумме денег, принадлежащей им, а о богатстве или условной сумме, которая его символизирует. При этом основное содержание таких рассказов заключается в осуществившемся или неосуществившемся переходе богатства от одного персонажа к другому и/или его бесцельном, неоправданном использовании (о связи подобных персонажей и денег в русском фольклоре см. статью К. Богданова в этом сборнике).

Святые обычно не столько являются обладателями богатства, сколько выступают в таком качестве в глазах их оппонен-

тов: нечистой силы, грешников, разбойников, которые ищут якобы спрятанное святым сокровище, пытаются ограбить его и оказываются за это наказанными:

Кирила Челмогорский шёл к нам в деревню, а эти идолы² — бандиты-то, чудь белоглаза³, ну казара⁴ — у него и спрашивают: «Отец, где у тебя кошелек?» — «А идите, — говорит, — там, за иконой, мой, — говорит, — кошелек». А сам идёт сюда, в деревню. Они пришли к нему, к келье — вот... яма-та. Вот тут его было жилище. Они только до иконы добрались и ослепли (Мороз 2009: 90).

Кампания разрушения и разграбления церквей и монастырей при советской власти стала мощным стимулом для развития и без того имевшего место представления, что священнослужители прячут богатство в церквях или рядом с ними. Существует значительное количество текстов, в которых и представители власти, и сами деревенские жители пытаются найти спрятанное в земле золото:

Вот про камень-то бабушка Ольга <...> рассказывала: вот жили каторжники — они, говорят, зарыли <...> под камнем это... золотишко своё. Они бежали, грабнули какую-то церковь (Мороз 2009: 59).

Цари и купцы тоже часто оказываются в роли жертв, у которых деньги отнимаются или выманиваются обманом:

Вот, значит, Екатерина II <...> ехала в Каргополь сюда <...>, а бандиты — раньше разбойники, ушкуйники были, ушкуйники назывались — карету ейную ограбили, обчистили где-то там, окол Ухты,

² *Идолы* — ругательство, означающее 'поганый', 'нечистый' (общерус.).

³ *Чудь белоглазая* — персонажи преданий о прежнем населении края. Часто употребляется в качестве ругательного прозвища.

⁴ *Казара* — прозвище жителей деревни Казариновская, соседней с той, где сделана запись.

золотишко у их всё грабанули, всё, всё, что можно было, и она не доехала до Каргополя из-за этого (Мороз 2009: 85).

[Петр I] Меньшикову дал задание: «Вот тебе, говорит, девяносто два рубля, чтоб корабли стояли в Архангельске» <...> Меньшиков ходит, этим делом [пощелкивание по шее⁵] туды-сюды, мужиков позвал: «Стройте, мужики». Ну давай, строят да строят, строят да строят. «Деньги давай, Меньшиков», — а он: «Денег нет». Шлёт Петру I телеграмму:

«Для постройки кораблей
Остаётся семь рублей,
А остальные все рубли,
Так сказать... [пропили и проебли]» (Мороз 2009: 24–25).

Во всех описанных случаях деньги суть богатство. Речь идет всегда не о большей или меньшей сумме, которую можно потратить на нечто имеющее практическую пользу, но о некоем абсолютном богатстве, которое важно само по себе независимо к покупательной способности владеющего им персонажа. Последний пример про постройку кораблей не противоречит нашим выводам, поскольку и сумма 100 рублей крайне условна, и потрачена она была противоположным приказу Петра образом, и наконец, взамен потраченной суммы не было приобретено ничего (ср. переносное, но основное по употреблению значение глагола *проебать* — 'упустить', 'потерять').

Деньги на свадьбу

В некоторых обрядах сама купля-продажа приобретает характер ритуального символического действия, то есть внимание концентрируется не на факте оплаты, не на сумме ее, а на самом действии. Купля-продажа здесь представляет собой идеаль-

⁵ Пощелкивание по шее означает, что Меньшиков в это время пьянствовал.

ное воплощение конкуренции между двумя сторонами, каждая из которых старается обмануть противника, выгадать себе что-либо, но, в конце концов, приходят к обоюдно выгодно-му соглашению. Таков свадебный обряд, весь построенный на конкуренции сторон жениха и невесты. От сватовства (*У вас товар — у нас купец*) и до брачной ночи разыгрывается сюжет покупки женихом невесты:

Наредят [невесту] и садятся кругом, деушки и невеста тут, ждут женихов, вот-вот придут. Но тут они все едут. Жених не один, с товарищами. Когда на тарантасе⁶, а когда на двух тарантасах там, на парах, на конях. Заходят в избу женихи, деушки сидят: «Но, проходите, князь молодые, проходите, не стесняйтесь». А они проходят к столу, где деушки-то, становятся. «Но, что вам угодно?» — «А нам угодно место и невеста», — жених отвечает. «Ну дак ведь мы так не отдаём невесту. Мы две неделишки не спали, все штиблеты⁷ истоптали, платьица все помяли. Пожалуйте нам на орехи». Деньги чтобы дали на гостиницы. Тут у деушек тарелка под деньги. Но, они там скинут немного. «Нет, этого мало! Давайте, не скупитесь!» — «Но, не отдаёте, так мы в другую там... — повернутся. — Мы в другой есть дом пойдём». — «Уходите, уходите!» Ешчѐ прибавляют на гостиницы. Но вот прибавят, дак они и хвалят [Инф. 2].

Деньги или угощение получали те, кто перегоразивал дорогу свадебному поезду (движение которого символизировало будущую жизнь семьи, и потому остановки в пути или необходимость повернуть назад считались крайне нежелательными):

Там перегоразивали, тоже деньги просили, не пропускали. [Чем перегоразивали?] А просто встанем, да и всё, а в некоторых случаях, дак даже брёвна притаскивали, вот это и вот. Ну, чтоб дали денег. [Денег?] Выкуп, да. [Или угощение?] Ну, кто как. Ну бутыл-

⁶ Тарантас — четырехколесная конная повозка, распространенная в России в первой половине XIX века.

⁷ Штиблеты — здесь употребляются в значении 'мужские ботинки'.

ку просили, если мужчины были, дак бутылку просили. Всегда давали [Инф. 3].

Семантика богатства, демонстрация хозяйственных навыков невесты отражается в ритуальном собирании денег молодоже-нами. Деньги упоминаются в одном ряду с другими предметами, имеющими в этом контексте то же значение или близкое: черепками от сознательно разбитой посуды (здесь помимо идеи богатства ярко выражена идея утраты девственности (сосуд разбивается) и деторождения (от этого образуется множество осколков):

Это когда свадьба пройдёт, вот расходятся поздно, молодые спят, и значит, берут крышки, горшки и туда... ложат туда деньги и невесту заставляют [подметать] <...> дают метёлку, веничек. И вот трахнут банку, вся вдребезги <...> И вот о пол трахают-та, а свекровь ходит: «Подметай, подметай, невестушка, лучше, лучше, там как зовут — Аннушка ли, Марьюшка ли; подметай, подметай, чтобы люди не смеялись, чисто чтобы было, а тут начнут-то грохать дак не жалели денег». А потом эту салфетку, стёкла убрала, деньги жених собирает, а невеста осколки, стёкла собирает и веником да на этот на совочек ну вот, а потом жених эту деньги остаются тут, он эту салфетку вот так с угла на угол, четыре угла, забирает, на плечо, невесту под руку — пошли деньги считать. [Это под утро уже?] На второй день. [После брачной ночи?] Да, да, да. И идут в магазин [Инф. 4].

О современных трансформациях денег на свадьбе см. статью: Солосина, Левикина 2013.

Могильные деньги

В отличие от сказочной прозы в ритуальных текстах используются иные деньги (не богатство): их всегда мало (десять копеек, пять копеек); существует единица счета денег (монета, копейка); семантически значимы и металлы, из которых изготовлены деньги (золото, серебро, медь). Было бы трудно найти такой

обряд, в котором деньги бы вовсе не использовались, они стали обязательным атрибутом обряда, а иногда и одним из основных ритуальных предметов. Если в нарративах мы имеем синонимическую пару *деньги — богатство*, то в обрядности это пара *деньги — монеты*. Преимущественно они используются именно как платежное средство, однако преимущественно речь идет о платежах представителям потустороннего мира в качестве оплаты каких-либо благ, получаемых от них, поскольку контакты человека с иным миром в значительной степени строятся на принципе обмена или купли-продажи. Принесение дара — это обязательное условие при апелляции человека к иномирным персонажам. Такая ритуальная практика наиболее частотна в обрядах поминально-похоронного цикла. Во время похорон кладут деньги в гроб к покойнику или кидают в могилу, чтобы *окупить место* на кладбище (или на том свете).

Когда закрывают [покойника] в могилку, дак денюжек медных туда тихнут — могилу окупали. Опустят гроб, туда платок носовой свой, которым плакала, слёзы-то чтобы ушли, и окупают могилу. [У кого?] У земли [Инф. 5].

Деньги клали. Когда выкопают яму, дак потом клали на низ в могилу. [Зачем?] Чтобы могилу окупить, так приговаривали. [У кого?] У Господа Бога. Когда будешь кидать деньги, и платочек свой бросишь [Инф. 6].

Кидают денежки, копеецки купят — могилу покупают. [У кого?] Подь знай, у кого покупаи. Надо домик окупить [Инф. 7].

Нать [в могилу] кинуть денёжок, пусть он там дом себе купит [Инф. 8].

[Что бросают в могилу?] Монеты. [Зачем?] Может, землю окупают. [У кого?] Ну, там же свой, наверно, есть владыка [Инф. 9].

Деньги и богатство настолько тесно связаны с миром мертвых, что случайно найденный клад также оказывается принадлежащим покойникам:

Где-то были в лесу, спрятались <...> дождь пошёл, спрятались под ёлку и вдруг нашли крыночку⁸, в крыночке деньги. Вот они испугались, а который постарше, Стёпка называли, Стёпка — парень постарше сказал: «Вот теперь покойники оставили, покойники придут, дак нас убьют и побежали, мол». Побежали домой, матери сказали, матери сходили, а уже этой крыночки нет. Стёпка постарше, дак сбегал с отцом, дак эту крыночку и унесли (Мороз 2009: 84).

Перенос социальных отношений в загробный мир реализуется через надделение умерших деньгами:

Деньги там потом бросают в могилу. [Зачем?] Не знаю, чтобы там жил, деньги были, а теперь в гроб ложат и бумажные [Инф. 10].

Богатые, дак и деньги кидали [в могилу]. [Зачем?] Обогащить могилу. [Что это значит?] Ну, чтобы, я не знаю, что <...> деньги кидали, дак чтобы покойник был спокойной и что он уж повалён со всем со своим, питаньём. Так вот в могилу кидали деньги, всякие: и медные, и серебряные, а в первую очередь дак ещё... ну, эти деньги-ти в первую очередь кидали [Инф. 11].

Про эту традицию в славянской этнографии и традиционном фольклоре см. статью К. Богданова, с. XXX, в настоящем сборнике.

Деньги под дом и на святые места

Выкуп места под могилу, выкуп гроба («дома» в похоронной обрядности) эквивалентен выкупу места под дом в строительном обряде настолько, что для этого используется тот же термин: *окупать место*.

Под угол дома будущие хозяева или строители кладут монеты:

⁸ *Крынка* — посуда для хранения зерна, жидкостей.

Да, даже у хлева, у бани клали [монеты]. Не знаю для чего, но клали. Но только монеты не медные, а серебряные. Медно — будет бедно⁹ [Инф. 12].

[Когда строили дом] я слыхала, что монету ложили под углы. Деньги <...> Чтобы хозяин [?] богат. [Какие?] Металлические, хоть какие сложишь. Хоть пяточок, хоть десять копеек <...> [Инф. 13].

Ну, клали там какие-то денежки, говорят, под углы. Серебряные там что как место окупают. [У кого окупают?] Ну как, у Господа Бога, что уж Господь благословит нас, окупают. Для своё счастье уж [Инф. 14].

Иногда эквивалентом денег в этом обряде может выступать зерно, ячмень, который в местных диалектах называется *жито*.

Сходным смыслом, видимо, обладает обычай оставлять монеты в культовых местах. Монета может восприниматься либо как жертва сакральному персонажу, либо как вотив¹⁰.

У нас вот часовенка раньше была, дак на Ильинской пятнице в часовенку только ходили. Она для заветов была. Дак мы и потоперь, которые старше, дак ходим <...> Завет какой надо скласть... ну кому какой завет надо: на скотину ли, на себя ли, дак вот в эту часовенку и ходим. Там снесут хлебушка, пирогов каких-нибудь да денежек снесёшь, а там где-ка часовенка-то была, там камень большой у нас специальный такой ести, так мы на этот камень, как на престол, сположим да <...> [Инф. 15].

Брать себе деньги, оставленные в таких местах, считается большим грехом и сулит опасности для нарушителя запрета:

⁹ Интересна в этом примере и связка между фонетическим обликом слова «медно» и наличием/отсутствием богатства — «бедно».

¹⁰ *Вотивом* называется предмет, приносимый в почитаемое место, заключающий в самом себе просьбу, исполнение которой ожидается как следствие этого подношения. Например, изображение руки, повешенное к иконе, должно обеспечить исцеление больной руки просителя.

Денежки клали, нынъ стали вынимать. Дак теперъ что, в этот йорданчик-от¹¹ и стали денежки кидать. Под крестик положишь, все равно выловя тут. А этими деньгами разве ты наживеешься? Если человек принёс там, так каки-нибудь копейки, да положил, ли рубли, дак уж ты возьмёшь как эти деньги, ты не розживёшься. Оне положены как на дело, вот на того человека грех не пойдё, а хто возьмё, на того всё падё. Вот так (Мороз 2009: 132).

Лечение и деньги

Некоторые типы денег могут приобретать и другое символическое значение, например, серебряные монеты обладают семантикой красоты и здоровья. Это представление получает воплощение в практиках родин и народной медицины.

Сразу после рождения ребенка в обязанности повитухи входило мытьё новорожденного, которое помимо гигиенической процедуры должно было обеспечивать младенцу здоровье и нормальный сон. Первые омовения совершались водой, в которую клали обереги и предметы, обеспечивающие ребенку красоту и богатство (соль, яйцо, травы, серебряную монету):

[Знахарка] чё-то пошопчёт всё, пошопчёт, воду-ту. А водичку уж это как гриешь, так ему уж особу нагриешь, дома ли, как тут, отнесёшь <...> Дома положишь в кастрюльку, в печи согриешь, унесёшь вымыть. И виник возьмёшь, вот три вички¹² из виника — парить¹³ ёго, робёнка. Три вички. Выдернет, вот его тут там и помашет этими, листочками. Это, к нам всё ходила старуха дак. Дак уж она там чё говорит. Что там: «Не болей»... да чё-нибудь приговариват. [А деньги в воду не клали?] Дак денежки, вот я говорю, что двадцать копеек всё клали (Мороз 2012: 352).

¹¹ *Йорданчик, йордань* — прорубь или мостки, ведущие к воде, изначально для ритуального купания в Крещение или другие христианские праздники, однако расширительно это слово используется для обозначения любой купели или проруби.

¹² *Вица, вичка* — 'ветка', 'веточка' (арх. диал.).

¹³ Имеется в виду парить ребенка в бане.

Серебряные же деньги используются в обрядах очищения: для получения красоты на весь год в Великий четверг (последний четверг перед Пасхой) умывались с монеты: *А вот в этот [умывальник] ложили ещё деньги серебряные, с которых умывались [Инф. 16].*

В заговорном тексте, направленном на получение красоты, слова *Ах, ты серебро, чисто, бело, походно и почетно, всем царям, царицам и красным девицам и удалым добрым молодцам на мои слова ключ, замок Аминь 3 раза намыться и носить* (Мороз 2012: 518) должны произноситься при умывании водой, в которой лежит серебряная монета.

В случае с конкретными болезнями (а не для превентивного обеспечения здоровья вообще и красоты) тоже используются деньги, но с другими характеристиками (старые, медные):

[От головной боли:] Хорошо у берёзы постоять и тридцатых годов есть металлические деньги, мелочь, 30-х годов выпуска к вискам прикладывать хорошо, тоже помогают. [Серебряные?] Нет, медь, и постарше можно. У меня дак есть 1842 года деньга старинная [Инф. 17].

[Как лечили паховую грыжу у мальчиков?] Яйца [кота], а так старались найти золотой рубль, привязывали. Ну, а нет этого рубля, привязывали пятак медный [Инф. 18].

Деньги могут выражать понятие более общего характера — *наделение долей*. Например, информант, рассказывая о гадании на Святки, упоминает об обрядовой выпечке, куда запеклась монета:

В Новый год, вот четырнадцатого, стряпали такую большую большую драчёвню¹⁴. Картофельную. На сковороде. Туда застряпывали двадцать копеек. Монетку двадцать копеек. Вот, едим все вместе с этой сковороды, и кому попадётся, тому счастье в год будет [Инф. 16].

¹⁴ *Драчёвня* — 'картофельная запеканка на сковороде' (арх. диал.).

Порча на деньги и защита деньгами

Свойство денег многократно переходить из рук в руки (напомним, что для традиционного ведения хозяйства это свойство весьма необычно, что подтверждается многочисленными запретами давать займы какую-либо домашнюю утварь, одежду, предметы повседневного обихода, а также представлениями, что предметы чужие или бывшие в соприкосновении с посторонними опасны как несущие сглаз или порчу) наделяет деньги свойством передавать сглаз и вообще быть носителем магической силы:

У нас Райка работала в магазине в Няндомы, вот приехала, тожо у ней тут [около седьмого позвонка] пятонышко на шее. «Мама, — говорит, — у меня какое-то пятонышко на шее, волосы приставают, — говорит, — чего надо делать-то?» — говорит <...> На второй раз приехала, у ей уже большое, с пятак, такоё большоё уж <...> То ли <...> через деньги, в магазине работала дак, то ли в баню ходит дак... [Инф. 19, 20, 21].

Люди насылают порчу, наговаривая вредоносные слова на деньги:

Кстати, сколько раз вот находили <...> порчу наводят (ну это раньше же бабки были) — сколько раз находили зубы, деньги под домом <...> [Инф. 22].

Одновременно деньги оказываются сильным оберегом, защищающим от порчи и неудачи.

Вот десять копеек старых¹⁵ кладут, когда на суд кто-то идёт ли куда ли. Десять копеек в правый карман¹⁶. И глядеть натъ на

¹⁵ Вероятно, имеется в виду монета в 10 копеек, отчеканенная в царской России.

¹⁶ Интересно, что в этом случае деньги, положенные в карман перед походом в суд, можно рассматривать в качестве символического эквивалента взятки.

матицу всё время, кода в суд пойдёшь [смотреть на матицу еще дома] [Инф. 23, 24].

А я слыхала, что вот это, в подол, деньгу серебряную держали и иголку, в подол куда-нибудь там, чтоб не испортили, слыхала. [Невеста сама зашивала?] Нет. Она и не знает. Чтобы не знали, что сделали [Инф. 25].

Вот невеста выходила, дак клали в обувку, клали, да какой-то клали в ногу пятачок ли, что ли. [В ногу?] В ногу, под подошву вот обувки, так [нрзб] чтобы под пятаку [...] тоже чтоб её беречь, чтобы к ней не приставало ничего [Инф. 26].

Об обычае *класть пятак под пятаку* см. статью А. Астаповой (Астапова 2013).

Плата и расплата

Люди, занимающиеся в деревнях ремеслом, до сих пор воспринимаются как подобие знахарей и, соответственно, пользуются особым положением посредников между миром людей и потусторонним пространством. Все они *что-то знают*, то есть обладают магическим знанием, а потому не угождать или досадить этим людям нельзя: в противном случае тебя ждет наказание. Существенным отличием от оплаты мифологическим персонажам здесь будет то, что речь идет не о символической, условной плате (*монетка*), а о реальных деньгах. Если не заплатить плотникам или печникам за работу, то любое строение или предмет, ими изготовленный, не выполняет своего прямого назначения и оказывается *испорченным*:

Он рассчитался с ними худо, и они взяли ему подшутили — ворону дохлу положили под пол. И эта ворона <...> Ночью всё прет, они такие раньше караваи пекли, большие пекли-то — всё подчистую, говорит [мама рассказывала], что на столе останется хлеб хоть чего — всё подчистую, ничего не

могли напекаться¹⁷, ничего. Она [ворона] съедала. Со словами¹⁸, они там сказали чего-то. Вот. И всю ночь, говорит, спать валится — то в коридоре стук такой, бряк <...> Это — выйдут — ничего нет. Опять зайдут — и всю ночь вот так ходят-бродят. И в старом [доме] тоже житья не было, тоже пугало ходило. А потом, говорит, вышли — такая большая собака сидит, вообще, говорит, огромная-огромная. Хозяин видит — чёрная ж собака — и исчезла. Такая миловидна, смотрит голодными глазами, говорит. И потом [поп] мучился-мучился, а эти работники уже далёко, сто километров, говорит. Не поленился, взял эту лошадь, съездил за ними, привёз, откормил, сколько надо, отдал им там деньги, и они из подпола вытащили ворону — и всё. И спать стали, и в новый дом перешли (Мороз 2012: 76).

Применительно к знахарям важно понимать саму систему оплаты: берут ли они оплату деньгами, если да, то как именно. Например, существует представление, что нельзя давать деньги в руки, а надо класть их в тайное место:

[Знахари за услуги деньги] никогда не берут. [Надо] или что-то оставить или <...> [Сам знахарь] не возьмёт, когда приходят, это я слышал, к той же Оксе¹⁹. Приходишь, [надо] что-то положить, только если она увидит, сам унесёшь. [Надо] запихать куда-нибудь, чтоб не знала. [Что приносят?] Да тряпку какую-нибудь чего-нибудь. [И продукты?] Да вот это [Инф. 27].

[Вы не берете денег в руки?] Да, за роботу когда дают деньги, мне брать в руки нельзя. [Почему?] А вот так — дедко мене передавал всё, так и сказал: «Любые продукты, вещи можешь брать, а денег в руки нельзя брать» <...> Если я деньги взяла, значит со мной что-то случится <...> Никто не обсчитывают меня, никто ничего: лишних денег не кладёт и меньше не складёт. Сколько надо, столько и ложат. [А куда можно класть деньги?] На стол ли там, хоть на

¹⁷ Напекаться — 'напечь' (арх. диал.).

¹⁸ Имеется в виду, что строители использовали магические слова, чтобы испортить дом.

¹⁹ Окса — прозвище знахарки.

стул положь. [А еще куда?] А в любое место. Лишь бы не в руки. Лишь бы не в руки. В любое место. [А в магазине?] А это уже дело другоё. [Это только за работу?] Да, это только работа моя [Инф. 28].

Те же ограничения накладываются и на устную благодарность: заказчики лечения не должны говорить знахарям *спасибо*, так как в этом случае слова не действуют. В целом сельские знахари, скорее, оказывают помощь бескорыстно (по крайней мере, формально), что не мешает, разумеется, тем, кому они помогают, одаривать их. В городах же, даже в небольших районных центрах, картина иная — там отмечается большая «коммерциализация» услуг знахаря под влиянием особенностей городской жизни:

Вот Ксения Ильинична, если она что-то заговорила или массаж сделала, или вот я упала — ключицу <...> вывернула, ходила к ней исцеляла, надо к ней идти, надо что-то нести: и деньги, и ещё что-то нести — она так делать тебе не будет (Мороз 2012: 127).

При этом знахари, практикующие в основном в границах собственной деревни и не принимающие незнакомых людей, часто вовсе отказываются от платы, ни при каких обстоятельствах не признавая себя знающими.

Хранение и передача денег

В силу перечисленных особенностей денег они занимают специфическое место в традиционной культуре, что вызывает к жизни особые ограничения в их использовании. Как уже было сказано, будучи предметом, ходящим из рук в руки, деньги постоянно несут опасность их обладателю. Тем более опасным считается брать деньги, не предназначенные тебе непосредственно: они могут принести порчу и другие несчастья. В частности, такое ограничение касается найденных денег:

Вот и деньги лежат, медяки тамо — тоже не бери денёг. Та каки, копейка ли как, тожо не зарься денёгам. [Почему?] А не надо, не

надо. Не зарь. Я той поре в Няндоме нашла три копейки. Подняла. Будто зависть меня одолела. Спасла свои дела. А десятку потеряла да. Вот. И с той поры он [сын:] «Мама, никогда не бери». Ножа не бери и денёг: медяков, и серебра, и медяков — никогда не бери. Не зарься деньгам [Инф. 29].

Одновременно существует запрет на передачу денег из рук в руки:

Она принёсла деньги <...> а дедко-то ей это на веранде встретил, она ему на веранде-то деньги-ти и подала. Это дело летом было. Я-то пришла из бани-то <...> а он не такой вот какой-то. Как вот такой дёрганый, чудной. А он у меня такой спокойный, дедко-то. Я говорю: «Николай, ты будто чёго-то не того». — «Ой, — говорит, — не говори! Эта пришла, —говорит, — мне-ка деньги-ти принёсла, подала, я, — говорит, — день <...> да, — говорит, — я не из рук деньги-ти брал, она на стол вот это, на стол, — говорит, — положила, на веранды. И меня, — говорит, — как стало тошнить, дак тошнить! Дак я, — говорит, — так заболел!» (Мороз 2012: 139).

В этой связи рекомендуется передавать деньги, положив их куда-либо. Известна также практика при купле-продаже брать деньги не голой рукой, а либо в рукавицах, либо из полы в полу одежды. При передаче денег рекомендуется их правой рукой получать, а левой — отдавать [Инф. 30, 31] (оппозиция 'правый-левый' как 'позитивный-негативный': отдавать деньги плохо, получать — хорошо).

Особым образом регламентировано хранение денег. Так, существует оппозиция денег и стола, на котором совершается трапеза: деньги запрещается класть на стол; кроме того, запрещается класть на стол рукавицы под тем предлогом, что в доме не будет денег. Это, возможно, объясняется априорной «нечистотой» денег и, напротив, своеобразной святостью стола (*Стол, говорят, есть престол* [Инф. 32]). Местом, где традиционно хранились деньги в крестьянской избе (сейчас это правило уже неактуально), обычно была *божница* — полка в правом переднем углу дома (или в его восточном углу), на кото-

рой стоят иконы. Таким образом деньги как бы отдаются под присмотр, на хранение Богу и святым в надежде большей сохранности. Этим, вероятно, объясняются упомянутые выше мотивы 'змея носит богатство в икону' и 'разбойники ищут сохраница за иконой'.

Чтобы жилось богато: продуцирующая магия

Деньги имеют ритуальное значение и вне акции купли-продажи. Передача, дарение или бросание каких-либо монет должно продуцировать богатство. При переходе в новый дом на пол сыплют ячмень (*жито*), чтоб [хорошо] в нем жилось, и/или деньги для богатства:

Все тут учат, как надо заходить [в новый дом], так как — сначала соль, говорят надо сыпать, да ну в дом-то в новый, ещё чего-то, денежки кидать дак [Инф. 33].

У меня сын собирал деньги — под правый угол в доме всегда денежку клали, обязательно, вы знаете? <...> чтоб в доме деньги водились, чтоб счастье было, чтоб дом хорошо. Обязательно <...> в правый [угол клали монетку] [Инф. 34, 35].

Для богатого урожая клали монеты в борозду, прежде чем начать пахоту: когда запахивали, то только денежку брали <...> медь положат и пойдут [Инф. 36].

Приведенные примеры могут быть истолкованы двояко: деньги кладутся как плата или как ритуальный предмет, обладающий продуцирующей силой. В самой традиции обе мотивировки сосуществуют даже в сознании одного носителя.

Для обеспечения богатства в семье молодых осыпают *житом* (в современных условиях, когда ячмень почти не сеется, используется купленная в магазине крупа, чаще всего рисовая) или монетами. В данном контексте информант сам отмечает, что практика обсыпания молодоженов деньгами более поздняя, так как раньше обсыпали зерном. Соответственно с этим идея пло-

дородия в представлениях о более раннем времени заменяется идеей богатства, которая связывается с временем настоящим:

[Дорогу перед молодыми] рисом посыпали, и даже монетами — валялись. [Зачем?] Чтобы счастливые были. А раньше обсыпали житом, жито — по деревне раньше называли жито — ячмень [Инф. 37].

То же делается на новоселье:

Когда идёшь в чужой дом, например вот в новую квартиру человек перешёл, идёшь в новую квартиру, нести надо какой-нибудь полезной вещь или денежок, мелочи взять [Инф. 24].

Символический выкуп

Актуализация идеи доли может быть усмотрена и в *символическом выкупе* — обычае символически платить за подаренные/отданные предметы, которые могут реализовывать идею благополучия, везения. Например, если берешь рассаду, лук на посадку, домашнее животное (кошку или собаку) и т. п., считается необходимым символически заплатить, иначе урожай не будет, а животное не приживется:

У меня клубника росла <...> Валя [дочь] взяла, да рассады-то накопала самоварное ведро. Я сказала: «Ты без копейки не давай». Она ведь меня не послушала. Теперь ничё нет. Хоть какие семена давать — надо копейка на руку брать. А этак напросто — нет, безо всего останесси [Инф. 38].

У меня кошка была там дома в Северодвинске, дак котят брали и пр. [...] Я говорю: «Не надо никаких денег». Дац ну там пятак какой-нибудь сунут просто. Всё говорят, что если деньги дашь, дак кошка лучше жить будет, приживётся [Инф. 39].

Правильная купля-продажа скотины заключается в том, что из дома, откуда продается скот, необходимо взять какой-либо

предмет, землю — считается, что таким образом скотина не будет скучать по прежним хозяевам. В некоторых случаях данная ситуация переносится на деньги. В рукописном сборнике заговоров приводится такой текст:

Покупайте скот, давайте так за него деньги, чтобы вам была сдача от продавца, тогда скот будет водиться [Инф. 40].

Деньги как заместитель и усилитель

В контексте знахарских практик деньги выступают как эквивалент зубов (возможно, по аналогии с металлическими зубами). Если у знахаря не все зубы целы, произносимый им заговор не будет иметь силы. Выйти из такого положения можно, положив на место недостающего зуба монету:

Ту же самую грызку, говорят, загрызают, значит тоже к ней бесполезно уже обращаться, у ней нет зубов своих. <...> [А когда монету прикладывают?] Ну ведь... [Что-то сказать нужно?] Я лично ничего не говорила. Она мне просто говорила, что пусть она, эта монета, будет. Искупала, высушила — обратно её придела-ла (Мороз 2012: 123).

Обычно <...> но с такими зубами можно заговаривать. Они же у тебя во рту, а если зубов нету — нужно ложить в рот копеечку. С копеечкой заговаривать (Мороз 2012: 127).

Верование, что отсутствующие у знахарки зубы можно заменить только монеткой, настолько устойчиво в описываемой традиции, что никаких других вариантов замены не отмечено.

Деньги превращаются в...

На потусторонний характер приносимого богатства указывает ряд признаков. С одной стороны, часто (но далеко не всегда) полученное таким образом богатство впоследствии пре-

вращается в не имеющие ценности предметы (черепки, угли, листья), а то и просто в нечистоты (пряники обращаются в конский навоз, деньги в листья):

Ведь денег-то надоть. Ревела, ревела. А ночью он [змея] прилетел и говорит: «Плакала ты сегодня, вот я тебе денег-то и принес». И выложит несколько тыши. А потом улечел. Глядь — а на столе-то не деньги лежат, а листья (Корепова и др. 2007: 173).

Оппозиция, объединяющая богатство (клад, неожиданным или необычным способом приобретенное сокровище) с экскрементами, является фольклорной универсалией, которая просматривается и в других жанрах. Так, фольклорное снотолкование основано в большой степени на сближении противоположностей (то, что видится во сне, предзнаменует противоположное наяву):

Наиболее характерным и, вероятно, древним принципом толкования является принцип переворачивания значения символа-знака, придания противоположного смысла результату. В народной традиции широко распространено убеждение, что видеть во сне экскременты — к деньгам, к золоту, измараться ими — к большим деньгам, а видеть во сне золото значит испачкать постель. На основе этого мотива возникло много быличек, кратких юмористических рассказов и анекдотов, известных не только в крестьянской, но и в городской среде. По сути дела на основе именно такого поверья и возникли в прошлом ароматные русские слова «золотарь», «золотая рота», «золоторотец» (Толстой 2003: 306).

В современных фольклорных текстах является довольно устойчивой связью денег с экскрементами:

Я дак слышал, конечно и... к деньгам, дак ты весь вымажешься в своём... ну как сказать-то... неудобно за столом-то говорить... ну в навозе вымажешь — вот это, говорят, к деньгам. А насколько правда, я тожо не знаю, кто ёго знает [Инф. 41, 42].

В детской *потешке* (песенка-приговорка) деньги и экскременты оказываются в одном ряду: сначала появляются деньги, нало-

женные золотым ковшиком дедушкой в горб, затем нос, испачканный в экскрементах.

— *Что в горбу?*

— *Денежки.*

— *Кто наклал?*

— *Дедушка.*

— *Чем он клал?*

— *Ковшичком.*

— *А каким?*

— *Золотым.*

— *Дай-ка мне?*

— *У тебя нос в говне.*

Поди вымой на реке

В кипячёном молоке [Инф. 43].

Бумага, медь и серебро

Примечательно, что во всех контекстах, где упоминаются деньги, речь идет исключительно о монетах, бумажные деньги не рассматриваются традиционной культурой как ритуально или мифологически нагруженный предмет. Что касается металлов, из которых сделаны деньги, то наблюдается тенденция к противопоставлению серебро/золото, медь/серебро, золото/медь, при этом противопоставляются не металлы, а белый и желто-красный цвета.

Серебро в большей степени связано с продуцированием благополучия, красоты, богатства людей, используется в обрядах продуцирующих и очистительных, таких как осыпание, мытье, одаривание. Напротив, медь и золото, скорее, выступают как металлы, связанные с потусторонним миром (с этим связано представление, почему именно медные монеты кладут в землю): желтые монеты принято класть под углы строящегося дома, бросать в могилу или закрывать глаза покойнику, класть в первую распаханную борозду и т. п. В этих контекстах серебряными монетами называются не монеты из серебра, а монеты серебристого цвета. Так же золотыми или медными называются бронзовые монеты, получившие хождение вместо медных с 1920-х годов.

Медь оказывается знаком бедности не только потому, что обладает наименьшей стоимостью, но и в силу языковых причин: созвучия 'медный-бедный'. Медные деньги снятся к плохому; невесте во время *свадебного опевания* присутствующие желают иметь не медные деньги, а золотые:

И мне однажды приснилось — я ещё маленький был <...> Рою землю. И я там ковыряю, ковыряю, медную монету. И я дедку говорю: «Дедушка, я у Стёпу Филькина там много монет наковырял медных». — «А где?» Я говорю: «Где, я под подушку, наверно, положил». Проснулся — нету. Он говорит: «Так ты во сне ковырял?» Я говорю: «Да». Он говорит: «Наверно, плохо Стёпе будет». И через несколько дней Стёпа умер. Вот медные деньги, рыба — плохо [Инф. 44].

*[На свадьбе] пели, что
«У нас невестушка не бедна,
Надо денежка не медна,
У нас невестушка шелкова,
Надо денежка рублёва,
Сватушка, не скутися,
Золотой казной поделися,
Золотой казной не нажиться,
Лиходейке-жене не розжиться,
Она в пир пойдёт-загуляет,
Из пиру пойдёт-потеряет,
Водки дай и деньги на стол» [Инф. 45].*

Деньги перенимают семантику различных других предметов и становятся одним из наиболее универсальных концептов традиционной культуры. Почти всегда они называются в ряду других предметов, обладающих той же или близкой семантикой; богатство может быть обозначено дорогими предметами: одеждой, утварью — или урожаем, изобилием пищевых продуктов; очистительной и продуцирующей функцией наряду с серебряной монетой в тех контекстах может обладать яйцо. Специфична структура нарратива, где деньги упоминаются в качестве третьего-четвертого звена в ряду семантически нагруженных предметов:

Ну, я прям да... вот что... вот беру яйца, вербы, деньги и икону. [Куда?] Икону <...> а всё в сетку вот, что... как понесёшь-то на пастбище-то вот куда идти [Инф. 46].

Ср. текст, в котором для умывания ребенка сначала упоминается чистое место, откуда берут воду, затем березовый веник и словесные формулы. Только после дополнительного вопроса собирателя упоминаются деньги:

[Она простой водой мыла?] Ну, всё равно, там она чё-то пошопчёт всё, пошопчёт, воду-ту. А водичку уж это как гриешь, так ему уж особу нагриешь, дома ли, как тут, отнесёшь <...> И веник возьмишь, вот три вички из веника — парить ёго, робёнка. Три вички. Выдернет, вот его тут там и помашет этими, листочками. Это, к нам всё ходила старуха дак. Дак уж она там чё говорит. Что там: «Не болей»... да чё-нибудь приговариват. [А деньги в воду не клали?] Дак денежки, вот я говорю, что двадцать копеек всё клали (Мороз 2012: 352).

В обрядовых практиках, как видно из рассмотренных примеров, деньги отнюдь не всегда символизируют богатство. В ряде случаев их семантика расширяется (доля) или изменяется (здоровье, плодородие, сглаз). Большее разнообразие объясняется большим количеством контекстов, в каждом из которых актуализируется какое-либо одно свойство денег, формирующее их семантику в данном контексте. В определенном смысле можно говорить о деньгах как об универсальном носителе информации ритуального характера.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-БРФФИ № 13-24-01003 и федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной Рос-сии» на 2009—2013 годы.

Список информантов

Все интервью здесь и далее записаны в 1993–2012 годах на юге Архангельской области (Вельский, Каргопольский и Няндомский районы).

- Инф. 1 — Н. Р. А., жен., 1934 г. р., Благовещенск, Вельский район, зап. в 2009 г.
Инф. 2 — П. Е. К., жен., 1908 г. р., Ухта, Каргопольский район, зап. в 1996 г.
Инф. 3 — Е. С. И., жен., 1921 г. р., Моша, Няндомский район, зап. в 2003 г.
Инф. 4 — Т. И. С., жен., 1919 г. р., Ухта, Каргопольский район, зап. в 1996 г.
Инф. 5 — К. А. П., жен., 1923 г. р., Ухта, Каргопольский район, зап. в 1996 г.
Инф. 6 — Б. А. Ф., жен., 1933 г. р., Медведево, Каргопольский район, зап. в 1996 г.
Инф. 7 — А. В. А., жен., 1933 г. р., Лядины, Каргопольский район, зап. в 1997 г.
Инф. 8 — П. З. Я., жен., 1916 г. р., Слобода, Каргопольский район, зап. в 1993 г.
Инф. 9 — Е. З. И., жен., 1949 г. р., Лядины, Каргопольский район, зап. в 1997 г.
Инф. 10 — Т. А. И., муж., 1940 г. р., Печниково, Каргопольский район, зап. в 1997 г.
Инф. 11 — З. У. А., жен., 1919 г. р., Рягово, Каргопольский район, зап. в 1998 г.
Инф. 12 — П. А. К., жен., 1921 г. р., Ухта, Каргопольский район, зап. в 1996 г.
Инф. 13 — М. А. С., жен., 1919 г. р., Сварозеро, Каргопольский район, зап. в 1996 г.
Инф. 14 — К. Е. С., жен., 1924 г. р., Шильда, Каргопольский район, зап. в 1996 г.
Инф. 15 — Ш. Л. К., жен., 1930 г. р., Данилово, Каргопольский район, зап. в 1996 г.
Инф. 16 — К. Е. А., жен., 1930 г. р., Нокола, Каргопольский район, зап. в 1997 г.

- Инф. 17 — К. А. И., жен., 1930 г. р., Казаково, Каргопольский район, зап. в 1998 г.
Инф. 18 — С. А. Е., жен., 1936 г. р., Труфаново, Каргопольский район, зап. в 1998 г.
Инф. 19 — Б. В. Л., жен., 1926 г. р., Мехреньга, Няндомский район, зап. в 2005 г.
Инф. 20 — Б. Л. М., жен., 1936 г. р., Мехреньга, Няндомский район, зап. в 2005 г.
Инф. 21 — Г. М. Ф., жен., 1927 г. р., Мехреньга, Няндомский район, зап. в 2005 г.
Инф. 22 — К. А. Е., жен., 1965 г. р., Хозьмино, Вельский район, зап. в 2010 г.
Инф. 23 — У. З. А., жен., 1917 г. р., Казаково, Каргопольский район, зап. в 1998 г.
Инф. 24 — К. В. И., жен., 1947 г. р., Казаково, Каргопольский район, зап. в 1998 г.
Инф. 25 — Р. А. В., жен., 1933 г. р., Рягово, Каргопольский район, зап. в 1998 г.
Инф. 26 — С. К. М., жен., 1914 г. р., Чурилово, Каргопольский район, зап. в 1996 г.
Инф. 27 — О. Б. В., муж., 1932 г. р., Рягово, Каргопольский район, зап. в 1998 г.
Инф. 28 — Ч. К. И., жен., 1927 г. р., Каргополь, зап. в 2002 г.
Инф. 29 — Т. В. Т., жен., 1927 г. р., Калитинка, Каргопольский район, зап. в 2001 г.
Инф. 30 — Ф. К. Г., жен., 1931 г. р., Льнозавод, Каргопольский район, зап. в 1999 г.
Инф. 31 — Ф. М. Ф., муж., 1926 г. р., Льнозавод, Каргопольский район, зап. в 1999 г.
Инф. 32 — П. В. А., жен., 1923 г. р., Лекшма, Каргопольский район, зап. в 1998 г.
Инф. 33 — Г. Л. М., жен., 1931 г. р., Бор, Каргопольский район, зап. в 1996 г.
Инф. 34 — С. В. А., муж., 1955 г. р., Архангело, Каргопольский район, зап. в 2008 г.
Инф. 35 — С. О. А., жен., 1968 г. р., Архангело, Каргопольский район, зап. в 2008 г.
Инф. 36 — Б. А. А., жен., 1917 г. р., Евсино, Каргопольский район, зап. в 1996 г.

- Инф. 37 — П. Е. Н., жен., 1933 г. р., Труфаново, Каргопольский район, зап. в 1998 г.
- Инф. 38 — С. Е. И., жен., 1910 г. р., Архангело, Каргопольский район, зап. в 1995 г.
- Инф. 39 — К. Г. И., жен., 1947 г. р., Калитинка, Каргопольский район, зап. в 2001 г.
- Инф. 40 — Ч. Г. А., жен., 1936 г. р., Хозьмино, Вельский район, зап. в 2010 г.
- Инф. 41 — О. В. М., жен., 1938 г. р., Абакумово, Каргопольский район, зап. в 2000 г.
- Инф. 42 — О. А. Г., муж., 1932 г. р., Абакумово, Каргопольский район, зап. в 2000 г.
- Инф. 43 — Н. Т. Б., жен., 1966 г. р., Лукино, Каргопольский район, зап. в 2001 г.
- Инф. 44 — Г. А. П., муж., 1939 г. р., Рягово, Каргопольский район, зап. в 1998 г.
- Инф. 45 — Ж. М. И., жен., 1922 г. р., Ухта, Каргопольский район, зап. в 1996 г.
- Инф. 46 — Е. Л. А., жен., 1947 г. р., Тихманьга, Каргопольский район, зап. в 2002 г.

Дмитрий Громов

Манипуляции с деньгами в спонтанных городских практиках

В последнее десятилетие в России наблюдается интенсивное развитие спонтанных обрядовых практик, связанных с различными объектами городского ландшафта — историческими памятниками, уличными скульптурами, мемориальными местами и т. д., в первую очередь, это места, дающие исполнение желаний, удачу; места, посещаемые молодоженами после свадьбы (свадебные достопримечательности); мемориалы в честь погибших.

В данной статье мы рассмотрим, какие *манипуляции с деньгами* могут происходить в пространстве города. Постараемся разобраться, какова прагматика использования в этих обрядах именно денег. Обусловлено ли это использование экономическими и символическими характеристиками денег, или же присутствуют какие-либо другие причины?

В статье использованы: 1) материалы полевых исследований (70% упомянутых в статье объектов осмотрены нами лично); 2) сообщения информантов (особенно в случаях, когда они сами осуществляли обряды и в момент совершения этих обрядов); 3) публикации в Интернете (в первую очередь внимание уделялось не журналистским статьям, а сообщениям частных лиц о наблюдавшихся ими событиях).

Манипуляции с деньгами на объектах такого рода — довольно распространенное явление. Надо сказать, что обычно это металлические монеты; бумажные купюры используются редко. Манипуляции с деньгами чаще всего носят игровой характер.